

- Людмила Марковна, что это за проект, которому вы сейчас всецело отданы?

- Это работа, к которой я, может быть, готовилась всю жизнь. Наверное, поздновато, но время и возможности сделать то, о чем я всегда мечтала, появляются только сейчас. Это мюзикл. То, для чего я пришла в кино. Ведь драматические роли я играла от отчаяния. Их было много, но другие актрисы смогли бы сыграть их в тысячу раз лучше меня. Теперь же у меня театральный проект, мюзикл "Бюро счастья" по оригинальному не детективному рассказу Агаты Кристи. Музыка Виктора Лебедева, которого вы знаете по "Гардемаринам" и "Небесным ласточкам". Стихи Юрия Ряшенцева, написавшего "Пора-пора-порадуемся". Главный режиссер Андрей Житинкин, с которым я работала в спектакле Театра Сатиры "Поле битвы после победы принадлежит мародерам". И блистательный состав поющих актеров, которых я всех уважаю, обожаю и которыми восхищаюсь: Николай Фоменко, Александр Михайлов, Алена Свиридова. Моего партнера играет танцовщик Гедиминас Таранда.

Антреприза будет в середине октября в новом зале Дворца науки на 1350 мест и с роскошной сценой на Ленинском проспекте. И самое главное: все это будет не под фонограмму, будет живой оркестр из 50 человек, живой звук. Все будет и танцевать, и задыхаться, и все будет слышно. Мы будем делать ошибки - все на глазах, это все будет по-настоящему.

- А как же кино?

- Если бы лет семь назад мне

кто-нибудь сказал, что я сама не захочу сниматься в кино, я бы просто убила того человека. А сейчас... То, что предлагается, уже пятьсот раз сделано и другими, и мной. А соглашаться на роль просто для того, чтобы фамилия в афише была, чтобы быстрее деньги достать, не хочу. Вот в мюзикле я понимаю свою необходимость.

- Вы написали книгу о себе. Может, теперь вам стоит самой написать и сценарий к своему фильму?

- Это вообще не мое, это не моя профессия, я могу написать только о себе, только то, что я пережила. Каждый человек, думаю, сможет написать про себя. А сценарий - я этого не умею.

- Как вы считаете, возродится ли отечественное кино?

- Понимаете, включаешь телевизор, а там "пприиввеетт, ты-какпоживаешь? Дабросьтыхорошо. Ачтотыделалвчера? Ачтотыявчераделал?" Медленно, долго - и не удивительно, что люди привыкли шелкать программы. Вот когда это закончится, эта вся наша советская... тыфу ты, советская. Кстатти, я тут премию получала. Мне нужно было подойти к президенту, получить премию, взять цветы, вернуться, с ним сфотографироваться, а потом сказать что-нибудь. Я повернулась и говорю: "Служу Советскому Союзу!" Господи, я хотела сказать: "Служу Отечеству!" Так вот, когда не будет этого нашего привычного размеренного... Мы так уже не живем, уже все по-другому. Не чувствуется сегодня жизни. Все свободно. Но молодые люди сегодня несвободны, потому что они родились в новое вре-

хожу в магазины, могу турецкую вещь купить, сама ее топ-топ-топ. Спросят: это от Юдашкина, горюю: да.

- Для такого гардероба нужна неслабая диета?

- Я все ем. У меня все сгорает. Я же военный ребенок, который вечно хочет кушать. И мне все равно что. Я не листаю долго меню. Я сразу: бах, салат, картошку, мясо, это, это. А если уже улитки, так тоже ничего. Я никогда не делаю зарядку. Я много лежу, думаю. Вот от этого я не могу заснуть, от этого я устаю. Что там в голове, какой там кошмар? Говорят, что актеры - нормальные люди - неправда, это аномалия, это идиотство. А если в роль уходишь, то ты и мыслишь, и двигаешься, и сердце стучит по-другому. И не хочу это надеть, потому что она не носит. Я могу сказать, ответить в характере того человека, которого сейчас играю. Отсюда обиды. А выйти из роли - как змея из кожи. Сплю я уже давно со сновторным.

маться, нет настроения, я плохо выгляжу, болит голова или что-то еще. Вот и все.

- Чем вас так заинтересовал М.С.Павлов, что вы решили с ним петь?

- Я была у Артема Троицкого в "Кафе Обломов", и там сидел молодой человек, с кошачьей такой тоненькой, и так внимательно на меня смотрел. А потом, когда мы закончили, он подошел ко мне и сказал: "Вы бы не хотели спеть "Московские окна" в совершенно другой аранжировке". Я говорю: "Ну как-нибудь давайте". Я подумала, скажу и все. А он настырно стал звонить, потом пришел. Такой эрудированный, умный, тонкий человек, очень приятный в общении, производящий впечатление буддиста. Короче говоря, мы начали. Он показал аранжировку, а я говорю: "Стоп, если уже у вас в фонограмме Москва такая опасная, сложная, ночная, когда люди боятся выйти на улицу, то что же я буду петь медленно? Давай я тебе сюда рэп, так сказать, втисну". А я когда приехала в 82-м году в Америку, уже это слышала там. Что это, новизна, что ли? Маяковский рваный - это же рэп. И мы туда вложили Маяковского. Получилась интересная вещь. Его поколение предлагает мне интересную странную аранжировку, а я туда вкладываю свое видение, своего поколения, которое переходит и в сегодняшний день.

- Ваша дочь не стала актрисой. А ваши внуки проявляют какие-то способности?

- Нет. Там все спит.

- Вы влюбчивый человек?

- Любовь у меня всегда была одна, большая, чувственная. Только объекты менялись.

- Существует так называемая харьковская богема. Обозначили ли вы с ней когда-нибудь?

- Когда я закончила школу в Харькове, мне было 17 лет. Это была женская школа. Там не было мальчиков. О чем вы говорите? Я уехала из Харькова таким ребенком, что когда нам на первом курсе в постановке Герасимова надо было за ручку взяться, я вся краснела и пятнами покрывалась. Поэтому я никого не знала из харьковской богемы. Разве что Мишу Гулько, да и то не знала, а просто восхищалась им. Потом я прочитала книгу "Это я - Эдичка". Я уже ездила за границу и оттуда ее тихонько привезла. А сейчас, когда я, к примеру, делаю маникюр, мне там подсказывают какой-нибудь "СПИД-инфо"... Я прочла тут недавно. Узнала, что, для того чтобы удержать оргазм, надо мысленно на попке сжать. Она мне делает маникюр, а я сижу и думаю, как это сжать. Вот кошмар! Я так рада, что никогда раньше этого не читала, что всего достигла своим умом и организмом, постепенно какие-то вещи о себе узнавала способом горячим, не теоретическим.

- Сейчас, когда времена изменились, не хотели бы вы написать новую книгу о своей жизни, в которой бы уже открыто, без лукавства, смогли описать все то, о чем не могли правдиво рассказать в первой? О ваших отношениях с КГБ, например?

- Я не созрела еще для этого. Я не могу ухватить стержень, вокруг чего это делать. Я никогда в жизни не буду ни говорить, ни писать о том, кого я не люблю. Выяснять отношения с кем-то или с государством на страницах книги глупо. А потом, если о КГБ писать серьезно, так это же можно и с ума сойти. Другое дело, рассказать, что я туда пришла в вуалетке, с перчаточками. А ее у-у-у, а она о-о-о. Интересно себя увидеть со стороны глупой, когда в такую сложную атмосферу я иду как на праздник, на шпилечках. Вот это уже для умного человека. Я же не просто так это делаю, как будто дура. Я все понимаю. И считаю, что к такому сложному делу лучше подходить с этой стороны.

- А чего вы все-таки боитесь?

- Я боюсь людей.

Виктор Горюнов

Людмила Гурченко: "Я актриса во всех направлениях"

Людмила Марковна Гурченко - человек с неумной энергией. На протяжении не одного десятилетия она остается кумиром миллионов россиян. Женщина, которая благодаря своим былым заслугам могла бы спокойно, ничего не делая, почивать на лаврах, тем не менее постоянно трудится. Ее поступки нередко многим непонятны. То она неожиданно уходит из театра и посвящает себя преподаванию в Америке. То эпатирует, казалось бы, ничему уже не удивляющихся посетителей гей-клубов. То шокирует своим поведением КГБ. Теперь же Людмила Марковна нежно помахала ручкой в элегантной перчатке современному кинематографу и занялась собственным театральным проектом.

мя. Делай что угодно. А я свободна, потому что я могу сейчас наконец-то, после всего пережитого, делать то, что хочу.

- Нет ли у вас ностальгии по тем временам?

- Я ничего бы не хотела вернуть. У меня никакой ностальгии нет. Мне интересно сегодня, сегодняшние люди, мне интересно, что будет завтра.

- Людмила Марковна, вернемся к сегодняшнему дню. Вы всегда удивительно изысканно одеты. У кого вы одеваетесь?

- То, что сейчас на мне - моя собственная работа. Я умею и очень люблю это делать, но сейчас нет времени, а я не умею строчить на машинке и шью все руками. А у Юдашкина я ничего не заказываю специально. Я вижу его коллекцию и думаю: вот это мое, вот тут я не могу жко уберу. Я обязательно все подделываю, даже лифчик чуть-чуть. Если мне очень нужно, он мне дает вещи напрокат. Иногда покупаю. А так я

- Нет ли у вас желания продолжить сотрудничество с Эльдаром Рязановым?

- Это очень сложный вопрос. Как я могу это предсказать? К примеру, фильм "Вокзал для двоих". Читаю сценарий: к столику подошла 26-летняя героиня Вера с глазами, бодрящими людей вокруг. Рязанов говорит: "Люся, если ты у меня будешь играть, я сценарий чуть переделаю для тебя". Читаю новый вариант: к столику усталой походкой подходит неопределенного возраста женщина с пожившим лицом. И я стала играть. Это сценарий для меня. А сейчас быть в возрасте не модно.

- Вас часто сравнивают с Марлен Дитрих. Как вы к этому относитесь?

- Я вообще не люблю сравнения. Что значит русская Марлен Дитрих? Ей бы мои условия, она никогда бы не смогла стать русской Марлен Дитрих. А я в ее условиях могла бы покорить весь мир в большем масштабе. Потому что она поет только в одной тональности - соль-минор.

- Почему ваши песни не столь известны, сколь могли бы? Почему вы не даете концерты в Москве?

- Потому что я не занимаюсь только пением. Если я иду на какую-то роль, я забываю вообще о том, что я пою, я даже не слушаю музыки, которую я люблю. А это полгода, а раньше и год жизни. Потом опять наверстываешь, что-то упускаешь. Мне кажется, что певца делают, правильно говорил Бернес, 20-25 песен. Я не могу петь все подряд. У меня мало песен. И они для более тонкого зрителя, который ко мне приходит не в таких масштабах, как на концерты других певцов, у которых вся жизнь в этом. Я с большим трудом ишу новые песни, и я должна каждую из

них отжить, как роль. Я актриса во всех направлениях. А если я все брошу, тогда, наверное, буду петь.

- Как возник ваш творческий альянс с Аллой Пугачевой?

- Это была случайная история, как я понимаю, которая не имела никакой предыстории и никакого продолжения. Просто я очень сильно болела. У меня было заражение крови, из-за которого я должна была умереть, но не умерла. Иногда, наверное, нужно побалансировать между жизнью и смертью, чтобы понять радость жизни. И вот в этот момент балансирования я подумала: а ведь я многим людям не сказала каких-то хороших слов, что я о них думаю. И на фуршете после показа мод Вали Юдашкина я почувствовала, что должна подойти к Алле и сказать ей, что она замечательная, сказать ей какие-то хорошие слова. И я это сделала. Через какое-то время она мне позвонила и предложила принять участие в клипе "Примадонна". Я спросила, что за песня, и она прямо по телефону мне ее показала. Мне очень понравилась эта вещь, потому что была она не банальна, не на трех аккордах, и Алла прекрасно ее спела.

А потом Филипп начал атаковать меня, чтобы я приняла участие в "Сюрпризе". Я сначала ответила, что разве можно исполнять песни, которые Алла поет в совершенстве. Смешно вообще любому певцу брать за это. Он уже и из Красноярска откуда-то звонил. И вроде как-то неудобно мне стало, и я сказала, что подумаю. А раз "подумаю", значит, уже и согласна. И вот Филипп привез 200 песен, и мы, закрывшись на даче, их слушали. Я не знала, что из этого я смогу спеть. И вдруг возникла песня "Фотограф". Ведь со мной тоже такое бывает, что я не могу сни-